

Григорий Смирин, Мейер Мелер

Рига, Латвия

ПОТЕРЯННЫЙ МИР: БОРОВКА, ДАНКЕРЕ И МАЛТА В ЛАТВИИ

В Латвии проблематика Холокоста связана с хорошо известной спецификой уничтожения еврейского населения, проводившегося нацистским режимом на оккупированной Германией территории Советского Союза: если в странах Западной Европы евреев депортировали в лагеря смерти, то здесь, в том числе и на землях, присоединенных к СССР в 1939—1940 гг., они уничтожались на месте, во многих случаях — с привлечением для этой «работы» местного населения. Как на характерное для этих территорий израильский историк И. Арад указывает, в частности, на то, что во многих местах, особенно в небольших населенных пунктах, вспомогательная полиция (*Hilfspolizei*) из числа местного населения и другие коллаборационисты уничтожали евреев даже без участия немцев или при акции уничтожения присутствовали один-два нациста — для организации¹. К роли местного населения в уничтожении евреев этот автор относит также и то, что без участия местных жителей нацисты не могли бы идентифицировать евреев, а следовательно, не смогли бы уничтожить столь большое число людей в такие короткие сроки (большая их часть была уничтожена к концу 1941 — началу 1942 г.)². В сравнительном аспекте эти процессы освещаются в недавно вышедших монографиях: на всей оккупированной территории СССР — И. А. Альтманом³, а в Прибалтике — К. Берзиным и А. Сааром⁴.

По Латвии на сегодняшний день наиболее крупным исследованием по теме является монография американского историка латышского происхождения А. Эзергайлуса «Холокост в Латвии, 1941—1944. Отсутствующий центр»⁵. Однако в упомянутой монографии имеют место ряд «белых пятен», в частности, по сути, осталось неисследованным уничтожение евреев в малых городах и местечках Латвии. Наш взгляд, этот пробел в трудах американского историка обусловлен предвзятым и поверхностным отношением к ряду важных исторических источников, а именно к материалам советских процессов над нацистскими преступниками и их местными сообщниками, проведенных в первое двадцатилетие после Второй мировой войны⁶. Считаем, что историк должен объективно и серьезно работать со всей совокупностью имеющихся исторических источников и в том числе с документами из архива бывшего Комитета государственной безопасности (КГБ) Латвийской ССР, хотя эти документы, разумеется, следует оценивать критически⁷. Если в первые послевоенные годы эти процессы носили во многом присущий сталинской «юстиции» шаблонный характер, то в период хрущевской «оттепели» уже имела место состязательность обвинения и защиты. В 1944—1945 гг. преступников судил военный трибунал («тройка»), а в 50—60-е гг. — суд с прокурором, адвокатами, свидетелями. В 1960-е гг. кое-кто из осужденных давал на судебных процессах свидетельские показания, находясь уже на свободе, а кое-кто — «чистосердечные» признания, еще досиживая в лагерях. Однако в любом случае следственные мате-

Поступило сверх программы конференции.

риалы этих процессов содержат множество часто весьма подробных показаний, являющихся, несмотря на отпечаток времени и обстоятельства их получения, важнейшими историческими источниками, на сегодняшний день иногда единственными, которые позволяют восстановить подлинную картину происшедшего⁸. В этом отношении нам близка позиция молодых латвийских исследователей, которые, основываясь в том числе и на этих источниках, реконструируют страницы Катастрофы в ряде населенных пунктов Латвии: С. Богдавленская — в Прейли⁹ и Д. Эрглис — в Крустпилсе и окрестностях¹⁰.

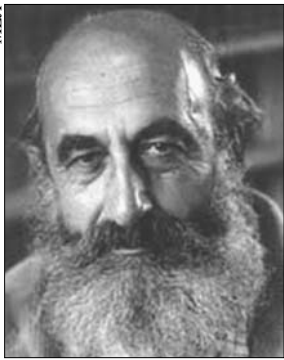
Цель настоящей статьи — осветить Холокост в трех населенных пунктах: Силене (Боровке), Гостини (Данкере) и Малте (Антонополе, Боровая, Розентово), расположенных в восточной части Латвии. Первый из названных населенных пунктов в составе Российской империи входил в Курляндскую губернию, имевшую особый статус в смысле проживания евреев¹¹; два других относились к Витебской губернии и входили в *черту оседлости. В лихолетье Первой мировой и Гражданской войн многие евреи покинули свои дома и оказались во внутренних губерниях России, а когда возвратились в родные местечки, уже оказавшиеся в составе независимого Латвийского государства, то во многих случаях не могли найти там для себя занятий. Условия жизни в маленьких городках Латвии в послевоенные годы были тяжелыми, и люди стремились в более крупные города, главным образом портовые (Рига, Лиепая), где была сосредоточена основная торговая деятельность, а значит, было больше возможностей заработать и где в основном в 20—30-е гг. концентрировалось еврейское население Латвии. Как отметил в своем историко-статистическом исследовании М. У. Шац-Анин¹² (1924 г.), определенную роль в этом процессе сыграло как сильное разрушение многих еврейских местечек во время Первой мировой и Гражданской войн, так и интенсивное экономическое вытеснение латышами евреев из сельской местности (имеются в виду населенные пункты с населением менее 2000 жителей), в хозяйстве которых латыши заняли прежнюю нишу евреев. Этот процесс он связывает с ярко выраженной проаграрной и антииндустриальной политикой нового Латвийского государства, которая вела к увеличению доли сельского населения¹³. Жизнь в местечках Латвии по сравнению с периодом до Первой мировой войны оскудела, и численность населения в них сокращалась от переписи к переписи, а особенно — доля евреев.

Характеризуя Восточную Латвию накануне Второй мировой войны, А. Странга пишет, что это была самая многонациональная часть Латвии. «... На расстоянии всего нескольких верст там находились маленькие еврейские местечки (например, Малта—Боровая), за ними следовали деревни старообрядцев, сразу же за ними — польское местечко (например, Пуша...). В национальных отношениях не обходилось без своих проблем, однако в целом они были спокойными; антисемитизм встречался, однако в намного меньшей степени, чем в соседних Польше и даже Литве»¹⁴.

Б о р о в к а

Это местечко на самом юго-востоке Латвии, в Илукстском уезде, в 7—8 км от границы с Белоруссией, а до Второй мировой войны — с Польшей.

Оно было основано в 1790 г. в тогдашнем Курляндском герцогстве¹⁵. Точная дата, когда здесь стали селиться евреи, в исторических источниках не зафиксирована, хотя известно, что в герцогстве они жили более 200 лет¹⁶. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), в Боровке проживало 585 евреев, что составляло 83 % жителей местечка¹⁷. В период Первой мировой войны, в 1915 г., евреи Курляндской губернии как «неблагонадежный элемент» были депортированы

Хаим Бермант

Хаим Бермант в детстве (Боровка (Силене), 30-е гг.)

властями царской России из прифронтовой полосы, в том числе и из Боровки, во внутренние губернии империи¹⁸.

После окончания Гражданской войны высланные ранее евреи стали возвращаться. Однако многие из них, вернувшись в свою родную Боровку, не всегда находили там средства к существованию и потому были вынуждены уезжать в более крупные города, например в Даугавпилс, расположенный в 25 км от Боровки. В силу этих факторов в 1935 г. среди 1022 жителей местечка разных национальностей насчитывалось уже только 189 евреев, или 18,5 %¹⁹.

В середине 30-х гг. название местечка было изменено на Силене (*Silene*), т.е. его название перевели на латышский язык (*sils* — бор), — страсть к переименованиям всего, что только возможно, на свой лад латвийским властям была присуща не меньше, чем большевикам, — хотя евреи по-прежнему продолжали называть родное местечко Боровкой.

Жизнь евреев в местечке после окончания Гражданской войны постепенно наладилась. В 1935 г. из 25 предприятий (мастерских, скипидарного завода и т. п.) 17 принадлежали евреям. Часть молодежи примкнула к *сионистскому движению, и в Боровке были отделения таких организаций, как *«Гашомер-Гашар» («Нецах») и *«Гехалуц»²⁰. Когда проходили выборы в парламент Латвии — Сейм, евреи, по воспоминаниям старожилов местечка, ездили в Даугавпилс голосовать за еврейских кандидатов.

В Боровке были две синагоги: большая — *хасидская и малая, в которой молились *митнагеды. Среди первых раввинов Боровки следует отметить Моше Хаима из Бацейкева; *ребе Эльхонона, впоследствии переехавшего в Могилев; Авраама Залмана бар Моше ха-Козна Жердина, который учился в Вильне (Вильнюсе) и Ковно (Каунасе), а в 1904 г. уехал из Боровки; Абу Якуба из Лузки; Калмана Цви из Двинска (Даугавпилса)²¹. В 1933—1938 гг. раввином, а также *меламедом и *резником в Боровке был Азриэль Бермант из Витебска, учившийся в Слободском иешиве (в Вилиямполе — пригороде Каунаса). Он был отцом Хаима Берманта²² — британского еврейского писателя. (Семья Бермантов затем переехала в Великобританию, в Глазго, где ее глава получил место резника.) В своей последней книге «Происхождение нестечко» (*“Genesis”*), опубликованной уже после смерти автора, Х. Бермант описывает местечко своего детства — Боровку²³. «Боровка, — пишет он, — некоторым образом была типичным еврейским местечком — маленьким, компактным, бедным, центр которого был плотно заселен евреями, а окраины — христианами. Но гулять можно было свободно и вдали от еврейских мест, не опасаясь за свою жизнь»²⁴. Латвия, как свидетельствует Х. Бермант, по тогдашним понятиям восточноевропейских евреев, представляла собой «*a goldene medine*» (*идиш «золотое государство»). Считалось, что латвийское правительство никогда не было особенно суровым по отношению к евреям — по сравнению с другими странами сильно не притесняло их²⁵.

Большинство жителей, не связанных с торговлей лесом, держали лавки, но весьма сомнительно, чтобы эти лавки содержали своих хозяев. Дело в том, что в образе жизни жителей местечка в 30-е гг. еще было очень много от натурального хозяйства. Евреи, да и не только они, сами дома пекли для себя хлеб, на своих приусадебных участках выращивали фрукты и овощи, варили варенье, делали наливки из вишни и изюма, варили пиво, а если не пиво, то «мед». В каждом доме была швейная машина, а кое у кого и прялка; некоторые держали скот — коров и коз, но у большинства была домашняя птица — индейки, утки, куры, гуси...²⁶ Подспорьем для некоторых еврейских семей были небольшие земельные наделы, где выращивали картофель, капусту и другие овощи.

Но где было взять работу портному, когда большинство жителей местечка — мастерские и значительная их часть — портные, а остальные в основном шьют

сами? Приходилось ездить по деревням и хуторам и там, на месте, шить, столярничать, выполнять жесткие работы. Однако по пятницам они возвращались домой, мылись и праздновали субботу.

Была и еще одна еврейская специальность — коробейник, т. е. торговец вразнос. Коробейников всегда ждали крестьяне и покупали тот мелочной товар, который еврей мог принести на своих плечах.

Особенно оживлялась Боровка по четвергам — в базарный день, когда в местечко съезжались окрестные крестьяне, которые не только привозили на продажу свою продукцию, но и делали необходимые покупки. Поэтому жизнь в еврейских лавчонках, по воспоминаниям старожилов Боровки, в четверг кипела.

Авторитетом в Боровке — как у евреев, так и неевреев — в те годы пользовался Абрам Пинхусович, адвокат и ходагай за жителей местечка перед властью имущими. Он был обладателем одного из двух легковых автомобилей в Боровке, а также одного из трех телефонов, которые были у евреев местечка²⁷. К 1940 г. телефоны в Боровке имели уже пятеро евреев²⁸. Местным «Ротшильдом» считался Борух Шолом Лейбович — торговец лесом и льном. Врачом в Боровке в 1925—1927 гг. был Луис Копенгаген, уроженец латвийского города Тукумса, учившийся в Петербурге и работавший до этого в Риге, а после Боровки практиковавший в Тукумсе. Он был также известным в Латвии еврейским общественным деятелем.

Социальное расслоение в местечке проявлялось в том, что зажиточные люди держались обособленно: их жены не общались с женщинами не их круга, а дети не играли с другими детьми и не посещали *хедер — они брали частные уроки. Богатых редко видели и в синагоге — считалось, что у них свои, частные отношения с Богом.

В 1940 г., с установлением советской власти, население Силене пострадало несильно: 14 июня 1941 г. в ходе сталинских массовых депортаций в Сибирь отсюда были высланы две семьи (семь человек). Из евреев не был выслан никто²⁹. Видно, в этом забытом Богом маленьком местечке среди еврейского населения не нашлось столь зажиточных людей или общественных деятелей, которых сталинский режим считал своими врагами. (Отдельные «Ротшильды» были таковыми лишь в глазах местных жителей.) Когда в Латвию пришла война, то только считанные силенские евреи успели бежать в глубь Советского Союза: дело в том, что в первые дни войны советские органы власти закрыли прежнюю латвийско-советскую границу.

В самом начале нацистской оккупации из числа местных жителей в Силене был создан отряд «самоохраны»³⁰, которым руководили старший полицейский Альфред Тимбергс, волостной староста Карлис Антиньш и комендант Эрик Приекулис³¹.

21 июля 1941 г. из Риги, а на следующий день и из уездного центра Илуксте в Силене прибыли карательные команды. Каратели разделились на группы, которые были пополнены местными «самоохранщиками». Сначала арестовали советских активистов, а уже потом и все еврейское население местечка. Советских активистов заперли в малой синагоге, а евреев — в большой, расположенной в 200 м от малой³². Среди первых арестованных евреев были семьи Лейбовичей, Зальцбергов, Рацев, Трупиных и Шлосбергов³³. Вместе с ними были арестованы две девушки, которые, как показали на послевоенных судебных процессах свидетели, при аресте были изнасилованы³⁴.

После произведенных арестов карательные команды стали грузить в свои автомашины мебель и другое имущество арестованных евреев, отобрали все более или менее ценное у бывшего местного богача Лейбовича, что вызвало резкий протест со стороны старшего полицейского А. Тимбергса. В результате этого инцидента карательные отряды не стали расстреливать евреев и на следующий день уехали с грузом награбленных вещей³⁵.

Евреи содержались в синагоге под охраной в течение 5—6 дней. В это время, а именно 26 июля 1941 г., в газете *“Daugavpils Latviešu Avīze”* («Даугавпилсская латышская газета») была помещена статья «Для силенских жидов еще цветет пшеница» (немецкое выражение, означающее, что им хорошо живется). В статье отмечалось

лось: «Приехавшие из Силене рассказывают, что израэлиты там живут, как в старые добрые времена». Сообщалось также, что туда набежали евреи из Даугавпилса и даже из Риги. «По-видимому, — писала, газета, — сами силенцы не в состоянии очистить свой дом от отбросов человечества и здесь необходима соответствующая акция со стороны, например из Даугавпилса или Илуксте»³⁶. Можно предположить, что при наличии четкого приказа немецких властей о немедленном уничтожении евреев подобного рода полемическая заметка в местной прессе вряд ли бы появилась.

Старший полицейский А. Тимбергс примерно 27 июля 1941 г., собрав «самоохранщиков» из Силене, Скрудалиены и Салиены на совещание, сообщил им, что из илукстской уездной полиции (от полковника Гаудиньша) получено указание о расстреле всех силенских евреев³⁷. Тимбергс сказал также, что расстрел будет производиться силами местной «самоохрань», так как карательные команды не придут. Он пояснил, что у участников расстрела будет право «первой руки» на получение имущества евреев³⁸. Эти посулы возымели действие, что позволило собрать достаточное количество добровольцев для конвоирования и расстрела.

На следующий день после двух часов дня евреев стали выводить из синагоги и строить в колонну. Вместе с колонной шло около 15 подвод, на которых везли вещи, а также стариков и детей. Подводы были подготовлены заранее³⁹. Евреям было сказано, что всех их перевозят в местечко Браслав в Белоруссии, в тамошнее *гетто⁴⁰. Кто-то поверил этому и радовался, что заточение в синагоге закончилось, а кто не верил и плакал.

«Ударная» группа (около 15 человек) выехала на велосипедах в два часа дня к озеру Смилгу, что в 3—4 км от Силене, а колонна евреев под конвоем медленно двинулась в сторону Браслава (в том же направлении). Издеваясь над евреями, конвоиры заставляли несчастных петь. Некоторые петь отказывались, и тогда мучители стреляли в воздух, пугая непокорных⁴¹.

Когда евреев пригнали к озеру Смилгу, их разместили на бугре на полуострове — якобы для отдыха. Конвоиры отошли примерно на 100—150 м, а руководитель конвоя Э. Приекулис выстрелил в воздух, и тогда выехавшая заранее «ударная» группа, до поры до времени скрывавшаяся в кустах, открыла огонь по расположившимся на отдых узникам⁴². В результате этой стрельбы многие евреи были лишь ранены, и «самоохранщики» из числа конвоиров, приблизившись к раненым, добивали их, расстреливая в упор из винтовок и пистолетов. Расстрел длился около часа. Один из обреченных бросился в озеро и отплыл примерно на 20 м, где его настигла пуля «самоохранщика»⁴³.

Расстрел евреев в Силене по своему характеру был особенным в Латвии. Обычно евреев пригоняли к месту расстрела и на расстоянии 30—50 м от заранее вырытых ям (часто ямы заставляли копать самих евреев) раздевали, а затем группами по 10—15 человек подгоняли к яме, выстраивали к ней лицом, а «расстрельщики» с расстояния 10—15 м стреляли, стоя в два ряда: первый ряд — с колена в левую лопатку, а второй ряд, стоя во весь рост, — в затылок. Происходило все это на глазах у тех, кто еще ждал своей роковой минуты. В ряде случаев расстреливали специальные команды или члены пресловутой «команды Арайса» (Виктор Арайс «прославился» как палач и садист уже в первые недели войны)⁴⁴, приезжавшие на голубом автобусе, или расстрельная команда из соседней местности. Неважно, были это приезжие, свои, местные «самоохранщики» или люди из вспомогательной полиции, — расстрел обычно производился открыто и беспощадно; на маленьких детей часто пулю не тратили, а бросали их в яму живыми или разбивали им головы о деревья и

камни... С женщин, не желавших раздеваться, срывали одежду, надругались над ними нагими и расстреливали. И только в Силене расстреливали скрытно, из кустов.

Возникает вопрос: почему?

На него нельзя ответить однозначно. Возможно, у силенских «самоохранщиков» еще не было достаточного опыта, а может быть, и достаточной информации о том, как это происходило у соседей, даже несмотря на то, что расстрел евреев в Силене был последним в Илукстском уезде. Возможно также, что некоторым из палачей было далеко не просто стрелять в своего соседа, глядя ему в глаза. Ведь они из поколения в поколение жили дружно и, может быть, сидели за одной партой в школе — школа в Силене в то время была общая как для евреев, так и для неевреев.

Мать и сестра Х. Берманта (в первом ряду слева) у своего дома вместе с ближайшими соседями и друзьями — женщинами из семьи местного полицейского (Боровка (Силене), 30-е гг.)

Учащиеся 2—3-го классов основной школы в Боровке с учительницей. 1932 г. Среди них было пять еврейских детей

Памятный камень, установленный в 1957 г. на месте расстрела евреев Боровки (Силене). Надпись на камне: «Незабвенным еврейским жертвам, павшим от рук нацистов. Июль 1941 г. в Боровке»

и в Илукстском уезде, куда входило Силене, отметил, что местные «самоохранщики»⁴⁸ при уничтожении евреев совершенно утратили человеческий облик (“...durch die Liquidierung der jüdischen Einwohnerschaft physisch und in Disziplin ausser Rand und Band gekommen...”)⁴⁹.

Следует отметить, что советских активистов (человек 10—15), содержавшихся в то же самое время в малой синагоге, не расстреляли. Через неделю (а некоторые через месяц-два) они вернулись домой⁵⁰.

Эпизолом силенской трагедии 15 сентября 1943 г. стала публичная казнь, когда немецкие войска и вспомогательная полиция насильно выгнали все население Силене на рыночную площадь, где была установлена виселица высотой 4 м и шириной 8 м. К верхней перекладине было прикреплено пять веревок с петлями. В 18.00 под усиленным конвоем к виселице пригнали пять человек — троих военнопленных и двоих советских активиста (по другой версии, это были партизаны, что более вероятно). Их повесили со связанными за спиной руками. Так они висели в течение суток, после чего их зарыли в лесу возле того места, где уже покоились убитые евреи⁵¹.

*

Когда после войны писатель Хаим Бермант, приехав из Великобритании, посетил местечко своего детства, там не было ни одного еврея — только памятный камень, установленный в 1957 г. теми, кто уехал из Боровки до войны, успел бежать в первые ее дни, выжил в гетто и концлагерях, кто прошел войну от начала и до конца. Камень установлен на том самом месте у озера, где были расстреляны силенские евреи и где когда-то, в детстве, Хаим Бермант играл с друзьями. Еврейское местечко Боровка больше не существовало...

Чудом выжившие силенские евреи ежегодно собирались у этого камня и читали поминальные молитвы по безвинно убиенным. Они же по памяти составили список (возможно, неполный) погибших здесь семей (32 фамилии). Вот этот список: Шлосберги, Нахман Шлосберг, Лейбовичи, Пинхусовичи, Панцы, Зильберманы, Рацы, Сандлеры, Бирманы, Залман Риц, Цейтлины, Розины, Яны, Элерманы, Суперы, Трупины, Лины, Заки, Зубовичи, Бирманы, Шмушкевичи, Флейшманы, Фросты, Ганзлеры, Сегалы, Мазасы, Пинцовы, Фрейнкели, Гороны, Зильберы, Муницы — всего, как уже упоминалось, 186 человек.

Данкере

Местечко, возникшее на стыке трех губерний Российской империи — Лифляндской, Курляндской и Витебской, по-еврейски называлось Данкере, по-немецки — Трентельберг, по-русски — Глазманка, а по-латышски — Зарну-Миестс, что в переводе означает «Кишечное местечко»⁵². Далее мы будем использовать еврейское название — Данкере или русское — Глазманка (как в статистике), а применительно к периоду после 1933 г. — новое латышское название — Гостини.

Расположение местечка было очень выгодным. Говорили даже, что петухи Данкере будили сразу три губернии. Местечко быстро развивалось, и уже в начале XIX в. было торговым и ремесленным центром округа. В 1830 г. в Данкере имелись конная почтовая станция и паромная переправа через реку Айвиексте⁵³. В 1847 г. здесь жили 192 еврея и была одна синагога. В 1861 г. была построена железнодорожная линия Рига—Динабург (позднее Двинск, ныне Даугавпилс) и в соседнем местечке Штокманстоф (ныне Плявиняс) открылась железнодорожная станция⁵⁴.

Пожар 1888 г. уничтожил свыше 40 домов и несколько десятков лавок, принадлежавших евреям Данкере, и свыше 60 еврейских семей остались без крова⁵⁵, но уже к началу XX в. местечко возродилось и в нем было три синагоги — одна для митнагедов и две для хасидов (**минья*н Бенъямина и *минья*н Шмуэля). Действовали *«Хевра-Кадisha», *«Малбиш-Арумим», *«Бикур-Холим» и другие организации, характерные для еврейского местечка. Председателем еврейской общины был Дов Бер Зелигман, занимавший пост раввина в течение 41 года (в 1875—1916 гг.)⁵⁶.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в 1897 г. среди 2328 жителей Глазманки евреев было 1976 человек, или 84,9 %. Это был наибольший удельный вес среди городов и местечек Восточной Латвии.

В XIX в. в Данкере были три основные улицы: Алте-гас (идиш «Старая улица»), Грейсе-гас (Большая улица) и Клейне-гас (Малая улица). На Большой улице были трактир, мастерская конного инвентаря, ювелирная мастерская, бакалейная лавка, а также ряд других лавок, мастерских и иных заведений⁵⁷.

Евреи в основном занимались торговлей (около 40 %) и делами, связанными с производством (36 %). Производство было почти исключительно ремесленным. В основном (почти наполовину) это было изготовление одежды и обуви. Средняя портняжная мастерская состояла из трех-четырёх работников, а сапожная — лишь из двух. Как правило, это были члены одной семьи⁵⁸.

Все течения революционного движения проникали в Данкере из Двинска и Риги че-

Улица в Данкере (Глазманке) (начало XX в.)

Сожжение Данкере (Глазманки) царской карательной экспедицией (12 января 1906 г.)

стрелов из орудия, отчего произошел пожар, уничтоживший синагогу и дом жителя местечка Нисона Атласа. Было объявлено, что если и дальше жители не сдадут оружие, то местечко будет сожжено. 12 января в нескольких его местах были подожжены дома⁶⁰.

В 1909 г. в Данкере было одно еврейское училище (школа) с женской сменой.

Очень ярко описывает жизнь евреев в Данкере в конце XIX — начале XX в. Х. Эрлих в своих воспоминаниях «Данкере»⁶¹.

Имущественное положение, как это водится, играло очень важную роль в жизни населения Данкере, для которого, как и для большинства еврейских местечек, было характерно значительное социальное расслоение. Богатые не испытывали нужды, жители среднего достатка кое-как перебивались, но большинство евреев были бедными и повседневно боролись за свое существование, постоянно испытывая нехватку денег на субботнюю трапезу и праздничные расходы. Никогда нельзя было увидеть дочь богатых родителей, которая общалась бы с сыном ремесленника, или чтобы богат когда-нибудь беседовал с человеком, который не был ему ровня. В свое время это обстоятельство повлияло на развитие сионистского движения: до начала XX в. сионизм — удел детей богатых родителей, которые не хотели общаться с бедными, считая это ниже своего достоинства. Даже идиш — язык еврейских народ-

ных масс — эти круги считали анахронизмом и символом отсталости еврейского общества, пренебрежительно называя его «жаргоном».

Единственное место, где бедный еврей мог немного заботиться, была синагога. Чем беднее был человек, тем он был набожнее. Своей *ишивы в местечке в то время еще не было, но были ученики литовских иешив, которых содержала местная еврейская община. Тогда это называлось «эси тес» — «дни едь». Для каждой еврейской семьи был назначен день, когда она кормила ученика ие-

Еврейские школьники с учителем в Данкере (Глазманке) (1917 г.)

шивы, и ученик каждый день недели, как правило, питался в другом доме.

Во время Первой мировой войны многие евреи были вынуждены бежать из местечка из-за военных действий, в ходе которых в Данкере было разрушено 152 из 192 домов⁶². В голодные послереволюционные дни при большевиках от реквизиций пострадали и торговцы Данкере, в частности Айзик Вольф Каган, у которого 23 января 1918 г. были реквизированы продукты питания, шкуры, керосин, мыло

и другие товары, принадлежавшие ему вместе с компаньоном⁶³. После окончания Гражданской войны, когда Данкере вошло в состав независимого Латвийского государства, евреи начали возвращаться в родное местечко, и жизнь в нем стала налаживаться. С помощью *«Джойнта» был создан кредитный фонд, при участии которого были построены синагога и 220 частных домов⁶⁴.

В 1920 г. в Данкере насчитывалось 544 еврея — 61 % жителей. Дети в том году учились в *талмуд-горе, а в следующем, 1921 г., открылась еврейская основная школа⁶⁵ с преподаванием на идише, которая в 1934 г. была преобразована в учебное заведение с преподаванием на *иврите⁶⁶.

В 1927 г. хасиды-*хабадники основали в Данкере иешиву «Томхей-Тмимим», которая в 1935 г. стала называться иешивой «Бейт-Йосеф» — в память хасидского раввина Иосифа Ружина (1858—1936)⁶⁷. На деньги местных фабрикантов Вестерманов с 1938 г. содержался полтораэтажный дом, служивший общежитием ученикам иешивы — там они жили и питались. Условия жизни для них в Данкере были даже лучше, чем в Риге⁶⁸.

В 1933 г. местечко получило статус города и стало называться Гостини⁶⁹. Его жители в 30-х гг. занимались торговлей (90 предприятий), рыболовством, лесосплавом, а также производством (70 мелких предприятий). Наиболее крупным предприятием был кожевенный завод Вестерманов, славившийся мужскими поясными ремнями и подошвенной кожей. Завод был семейным предприятием, и сыновья хозяина не гнушались никакой тяжелой работы. Бедные еврейские слои городка зарабатывали на свою скудную жизнь, будучи ремесленниками, портными, сапожниками, мясниками, но в основном занимались торговлей, в том числе вразнос, а те, у кого была лошадь, — развозной.

В городке процветала и общественно-политическая жизнь. Помимо упоминавшегося выше Бунда в

Вид на железнодорожный мост через реку Айвиексте у Данкере (Глазманки) во время лесосплава (20—30-е гг.)

Работники кожевенного завода Миллера—Вестермана в Данкере (Глазманке) (начало 20-х гг.)

Проводы еврейской молодежи, отъезжающей в Палестину (Данкере (Глазманка), конец 20-х — начало 30-х гг.)

числе 504 еврея⁷¹. Улиц в городке было уже более полутора десятков, но главной по-прежнему оставалась Большая улица. В 1937 г. из-за неосторожного обращения с огнем сгорела одна сторона этой улицы (обращенная к реке). Сгорели главным образом деревянные дома евреев. Каменные дома и церковь огонь не осилил.

После Первой мировой войны раввина Д. Б. Зелигмана сменил раввин Иехиель Фридман, а в 1934 г. раввином — теперь уже города Гостини — стал Исая Ханох Баркан, старший брат нынешнего главного раввина Риги и Латвии Натана Баркана⁷², а сам Н. Баркан в то время учился в местной иешиве. Тогда в ней было три класса с 40 учащимися. Главой иешивы был Иезекииль Химельштейн. Иешива просуществовала до 1940 г.⁷³ В то время в Гостини было три синагоги, в том числе Алтер-миньян и Елеймнер-миньян.

В жизни евреев Латвии Гостини играли заметную роль: туда даже приезжали «высокие гости» — кандидаты в депутаты Сейма, а также претенденты на выборные места в еврейских организациях.

Пожарная команда в Данкере (Гостини) (30-е гг.)

20-е гг. в тогда еще Данкере было организовано местное отделение партии *«Цейрей-Цион», и основная политическая активность в городке концентрировалась вокруг нее. Действовали также ряд молодежных организаций, в большинстве своем сионистских, — «Гехалуц», *«Бар-Кохба», «Гашомер-Гацаир («Нецах»), *«Гордония» и *«Бетар». Были своя самостоятельная театральная группа и «Бялик-клуб»⁷⁰.

В 1935 г. в Гостини жило 933 человека, в том

17 июня 1940 г. в Гостини вошли части Красной армия. Год советской власти внес свои изменения в жизнь населения Латвии, в том числе и евреев этого городка, однако следует отметить, что в списках высланных в Сибирь в ходе массовых репрессий 14 июня 1941 г. жителей Гостини нет⁷⁴. А уже через неделю, 22 июня 1941 г., Латвия стала ареной военных действий, и ужасы войны не обошли Гостини и в первую очередь затронули евреев.

С самого начала германской оккупации из представителей местного населения — бывших полицейских и айзсаргов⁷⁵ — была создана группа «самоохраны» в количестве 18 человек⁷⁶. Она возникла по личной инициативе самих «самоохранщиков», так как со стороны немецких властей никаких указаний на этот счет не поступало. (Их распоряжение о создании из местных жителей трех видов полиции (А, В и С) поступило в соседний Крустпилс только в сентябре 1941 г.⁷⁷) Все «самоохранщики» были вооружены трофейным советским оружием⁷⁸.

Гостиньские евреи были арестованы, по разным данным, через 7—10 дней после начала войны⁷⁹. Так называемое «изъятие» евреев происходило по следующему сценарию: в июле 1941 г. все еврейское население было оповещено повестками, предписывавшими ему собраться на следующий день на рыночной площади для получения информации. В назначенный день «самоохранщики» обошли весь город и тех евреев, которые не явились сами, согнали на площадь силой. Когда все собрались, площадь была оцеплена вооруженными «самоохранщиками», чтобы никто не смог уйти⁸⁰. Директор Гостиньской школы, он же бывший айзсарг, а теперь еще и руководитель местной группы «самоохраны», Петерис Рейнфелдс, произнес речь, в которой, в частности, заявил: «Жида шли против латышского народа, они предавали латышский народ, по их инициативе были высланы латыши из Латвии в период установления советской власти в Латвии в 1940 г. Теперь жида должны понести кару...»⁸¹

После этой речи все евреи были взяты под стражу. Мужчин отвели в одну синагогу, а женщин и детей — в другую. Затем от каждой семьи выделили по одному человеку, который в сопровождении «самоохранщиков» шел домой за вещами и продуктами для своей семьи. Во время этой операции у евреев отбирали ценные вещи: часы, кольца, серьги, брошки и т.д. Дома и квартиры должны были быть закрыты, и ключи с бирками, на которых были указаны адрес и фамилия, следовало сдать. Когда выделенные люди вернулись с продуктами и вещами, всех евреев перевели в отведенный им квартал города, где разместили около 300 человек. Квартал охранялся вооруженными «самоохранщиками»⁸².

Квартал-гетто, куда входили синагоги, размещался на Большой улице, у моста через реку Айвиксте⁸³. Начальником гетто был Волдис Крастиныш, которого прозвали «жидовским комендантом». В гетто евреи прожили более двух недель. Их посылали на сельскохозяйственные работы, часть их были посланы в Плявиняс на уборку разрушений⁸⁴. Когда евреи шли группой на работу, их сопровождал один из «самоохранщиков». Если крестьянин брал одного-двух евреев на сельскохозяйственные работы, то за них отвечал он сам.

В один из последних дней июля 1941 г. в 11 часов вечера в Гостини приехал из Крустпилса начальник полиции Круминьш и отдал распоряжение «завтра вывести всех евреев в район Какишских болот»,

Петерис Рейнфелдс

ранее служивший полигоном Латгальского артиллерийского полка бывшей латвийской армии, — якобы на работу, но дал понять, что на расстрел⁸⁵.

Евреев разделили на три группы: мужчины, женщины, старики и больные. Для перевозки последней группы была выделена автомашина из Айвиекстской волости. В течение ночи для конвоирования евреев на Какишские болота были собраны все «самоохранщики» Гостини и Айвиекстской волости. Начальник гостиньской полиции Янис Винтерс сказал узникам, что их ведут на работу и они могут взять с собой какие-то личные вещи. Примерно в 4—5 часов утра все группы были укомплектованы. Первая группа — мужчины — ушла в направлении болот. Через 20—30 минут туда двинулась вторая группа — женщины. Всего из Гостини ушли восемь колонн примерно по 30 узников в каждой⁸⁶.

Пройдя около 10 км, группы были остановлены у Какишских болот, где уже были собраны евреи из Крустпилса и Плявиняса. Примерно в 300 м от того места, где стояли обреченные на смерть, мужчин заставили копать ямы.

Примерно через 2—3 часа пришла машина, в которой было около 30 человек, одетых в летнюю форму бывшей латвийской армии. Это была пресловутая «команда Арайса». Руководил всей «акцией» говоривший по-латышски человек в штатском⁸⁷. По его указанию все евреи были разделены на группы по 30 человек (по другим данным, на 10—12 человек, что более вероятно). Сразу же после этого всем им приказали раздеться и лечь на землю лицом вниз в определенном порядке: первая группа — у вырытой ямы, вторая — за ней, третья — за второй и т.д.

Расстрельная команда арайсовцев стала примерно в 10 м от ямы в два ряда: первый стрелял с колена, второй — стоя; первый ряд целился в сердце, а второй — в голову. Группы расстреливаемых поднимали по очереди. После того как первая группа расстрелянных падала в яму, поднимали следующую группу и, поставив ее лицом к яме, методично расстреливали⁸⁸. Сначала были расстреляны крустпилские, а затем гостиньские евреи⁸⁹. После расстрела нескольких групп арайсовцы предложили местным «самоохранщикам», чтобы те подменили их в их палаческой работе.

Участник расстрела вышеупомянутый П. Рейнфелдс (он же директор школы в Гостини, который по иронии судьбы свою учительскую карьеру начал в 1926 г. в Гостиньской еврейской школе) оставил такое письменное свидетельство об этом расстреле: «То, что я увидел, нельзя описать словами. В бессознательном состоянии качающиеся люди на краю ямы, искривленные в предсмертной агонии лица, стоны, крики ужаса. Нервы натянуты до последней возможности, все обострено настолько, что находишься в состоянии полуаффекта. Все виденное кажется нереальным бредом, сновидением, а не реальной жизнью. Всю последующую жизнь и даже сегодня не могу понять, какая сила заставила меня взять винтовку и участвовать в уничтожении несчастных»⁹⁰.

Расстрел продолжался 7—8 часов⁹¹. 31 июля (по другим сведениям, 1 августа) 1941 г. были уничтожены около 300 жителей латвийского города Гостини еврейской национальности. Вместе с ними были расстреляны евреи из Плявиняса и Крустпилса — всего около 1700 человек. После расстрела трупы были зарыты местными жителями. Часть изъятых у евреев ценностей забрал руководитель группы «команды Арайса» и уехал со своей группой. Часть принадлежавших евреям вещей забрала местные «самоохранщики» и тоже разошлись.

Имущество евреев, собранное при расстреле, а также имевшееся в принадлежавших евреям домах, было складировано в 4—5 домах. Всем этим ведал начальник гостиньской полиции, он же комендант города, Я. Винтерс. Вот что писал о нем

немецкий фельдфебель Рудольф Обермайер, руководитель команды вермахта «Глазманка», докладывая 11 октября 1941 г. своему начальству о политическом положении в Гостини: «Винтерс, ранее прихлебатель большевиков, расстрелял всех евреев только с целью грабежа»⁹².

Газета “*Jēkabpils Vēstnesis*” («Екабпилсский вестник») 28 августа 1941 г. писала: «...Гостини теперь освобождены от жидов. Часть жидов сбежали вместе с коммунистами, остальных 31 июля выслали из города...»⁹³. Что значит «выслали», в то время было понятно всем...

*

Авраам Бецалель Фридман, правнук И. Фридмана, служившего раввином в Данкере после Первой мировой войны, направил в институт *«Яд-Вашем» (Иерусалим) список жителей бывшего местечка Данкере (города Гостини), погибших в Холокосте. В списке перечислены 83 семьи (222 человека), но состав и численность 18 семей в списке не указаны; не названы также фамилии ряда семей.

В материалах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК)⁹⁴ по Латвийской ССР относительно города Крустпилса, Крустпилсской волости и города Гостини (от 26 декабря 1944 г.) среди убитых были отмечены фамилии 242 человек из 60 семей, из которых ориентировочно 24 семьи расстрелянных на Какишском болотах совпадают со списком А. Б. Фридмана.

Избежать расстрела удалось двоим из гостиньских евреев — подросткам братьям Лагам. Об одном из них в донесении начальника екабпилсского пункта слгавского отделения политической полиции (*Schutzpunkt Jakobstadt*) от 14 ноября 1942 г. (более чем через год после расстрела) сообщалось: «6 ноября сего года в сарае на хуторе Дреймани Калснавской волости задержан 15-летний жид Мотке Пинхусович Лаг из города Гостини, который летом прошлого года бежал от служащих охраны и не был найден. Как объяснил сам задержанный, он скрывался в городе Гостини у А. Пурвиньша, его жены Б. Пурвини и Л. Гинтере.

Лат покинул город Гостини за несколько дней до 6 ноября с[его] г[ода], поскольку Пурвиньши перестали оказывать ему поддержку. В настоящее время Лат находится в распоряжении начальника 4-го полицейского участка Екабпилсского уезда, ибо, скрываясь, добывал себе пропитание, совершив несколько мелких краж в Айвиекстской волости. Когда в нем отпадет надобность, его предусмотрено отправить обратно начальнику Мадонского уезда»⁹⁵. Этот из братьев — Мотке (Мотель?) умер от истощения в рижской Центральной тюрьме 26 апреля 1943 г., другого же брата — Менке (Менде-

Памятный камень, установленный в 1990 г. на месте расстрела евреев Данкере (Гостини). Надпись на латышском: «Здесь, в Какишском лесу, осенью 1941 г. фашистские оккупанты убили евреев Крустпилса и окрестностей; весной 1942 г. — евреев из стран Западной Европы». Надпись на идише: «Здесь лилась еврейская кровь»

Старое еврейское кладбище Данкере (Глазманки, Гостини), находящееся в 1,5 км влево от дороги Плявиняс—Мадона, за виадуком через железную дорогу

ля?) Лата всю войну скрывал Карлис Витолиньш из Одзене (ныне в Мадонском районе)⁹⁶. Менке также был задержан в окрестностях Мадоны и так жестоко избит, что его сочли мертвым и сбросили в овраг. Проходивший мимо К. Витолиньш услышал стоны и, увидев, что избитый юноша еще жив, отнес его к себе домой. В последние годы спасенный Менке Лат жил в Израиле.

Итак, было установлено, что евреев на Какишских болотах расстреливали «специалисты» из «команды Арайса», которых время от времени подменяли «коллеги» из местной группы «самоохраны». Кто конкретно убил гостиньских, а кто — плявиньских или крустпилских евреев, осталось невыясненным, но это не столь уж важно. Известно, что только тех, кто участвовал в аресте, охране, конвоировании и расстреле гостиньских евреев, было более 20⁹⁷.

Евреи в Гостини (некогда — местечко Данкере) больше уже не возвратились, а самого этого города больше нет на географических картах: в 1956 г. он был включен в состав города Плявиняс.

М а л т а

Местечко, о котором пойдет речь, образовалось в 60-х гг. XIX столетия в Режицком уезде Витебской губернии, на пересечении тракта Петербург—Варшава (проложен в 1837 г.) и двух дорог, у железнодорожной станции Антонополь, также находившейся на магистрали Петербург—Варшава, построенной в 1860 г.⁹⁸ Свое нынешнее название — Малта — оно получило в 1936 г. при объединении местечек Антонополь, Боровая, Розентово и еще нескольких более мелких населенных пунктов⁹⁹. В то же время населенный пункт, который находился в 4—4,5 км от упомянутой железнодорожной станции у реки Малта и который во всех переписях населения до 1935 г. назывался Малтой, получил новое название — Силмала¹⁰⁰. Во время латышизации географических названий менялись не только названия населенных пунктов, но и волостей; изменялась также их территория. Все эти бюрократические перипетии прошлого сегодня создают существенные трудности для исследователей при работе с конкретным историческим материалом. В частности, приведенное пояснение необходимо для того, чтобы объяснить несовпадение количества евреев, живших в Малте, по данным переписи населения Латвии 1935 г., с числом евреев, значившихся как жители населенного пункта с таким названием, которые были убиты в 1941 г. Далее применительно к событиям после 1936 г. мы уже будем говорить о «новой» Малте.

В 1873 г. в «старой» Малте (нынешней Силмале) жили пять еврейских семей — всего 30 человек; в 1920 г. из 377 жителей местечка евреи составляли 211 человек (56 %), а в 1935 г. из 277 жителей Малты евреями были уже только 107 человек (39 %) ¹⁰¹. Такое сокращение еврейского населения можно объяснить, помимо всего прочего, и тем, что «старая» Малта (будущая Силмала) не могла конкурировать с выросшей и окрепшей «новой» Малтой (слившимися Антонополем, Боровой и пр.), находящейся у железнодорожной станции. «Старая» Малта утратила свое значение торгового центра для окружающих местечек и деревень, каковым являлась в конце XIX в. Определенное влияние оказала и потеря права на проведение ярмарок, которым обладало местечко Презма, находившееся в 1,5 км от Силмалы.

В 1935 г. в Малтской волости было 9913 жителей, из которых латыши составляли 58 %, русские — 31, поляки — 6 и евреи — 4 % ¹⁰². В то время в Антонополе было 715 жителей, в том числе 176 евреев (25 %) ¹⁰³. В Малте работала еврейская основная школа, была синагога (по ул. Стацияс, 10; здание сохранилось). Судя по тому, что семья раввина Медницкого владела магазином, он был озабочен и мирскими делами (сестры раввина Хася и Бася были зубными техниками). Вообще же торговля была основным занятием малтских евреев ¹⁰⁴. Так, ассортимент мануфактурного магазина Гирша Вайнштока включал товары от швейных игл до велосипеда, Хайн, Каган и Варграфтик торговали обувью, Коротник — парфюмерией; Зильбер владел аптекой, другая аптека принадлежала Кукле, который держал также магазин. Особенно активизировалась торговля по четвергам — в базарный день, когда в местечко съезжались окрестные крестьяне. В условиях сильной конкуренции торговцы широко практиковали продажу товаров в кредит («потом отдашь»). Труднее приходилось торговцам продовольственными товарами, потому что хозяйство большинства жителей местечек, в том числе и евреев, было в значительной мере натуральным (свое молоко, свои куры, свои овощи и т.д.). Среди промышленных предприятий выделялись паровая мельница и лесопилъня, принадлежавшие Юделю Зайделю ¹⁰⁵.

В 1940 г. советская власть национализировала имевшиеся в волости мелкие промышленные предприятия и оказавшиеся «большими» магазины. Как в Силмале, так и в «новой» Малте возросла безработица, и молодежь уезжала в более крупные города ¹⁰⁶. За год советской власти никто из евреев Малты не был репрессирован, однако местные жители не припомнили ни одного еврея в местечке, кто бы был советским функционером ¹⁰⁷.

Немцы вошли в Малту 4 июля 1941 г. и двинулись дальше. Хозяином положения в местечке остался отряд «самоохраны», образовавшийся там в первые дни войны. Командовал отрядом Харальд Пунтулис, бывший в свое время ротным командиром малтских айзсаргов ¹⁰⁸. 27 июля 1941 г. отряд «самоохраны» был преобразован в резекненский 4-й полицеский участок ¹⁰⁹, в сферу «деятельности» которого входили Малтская, Силмальская, Ружинская и Андрупенская волости, а также местечки Малта, Силмала и Риебини ¹¹⁰. Заместителем Х. Пунтулиса был Язепс Дроздовский, а активными членами отряда «самоохраны», а позднее служащими созданной нацистами вспомогательной полиции — Иван Синявский, Андрей Барканс, Людвиг Лисовский, Франц Лемешонок (он же Эглайс, он же Ясутис), Язепс Басанкович, Липснис (имя выяснить не удалось) и др. Они составляли расстрельную команду, получившую в народе название «малтский батальон смерти» ¹¹¹. Команда разъезжала по окрестностям Резекнене, Преили и Лудзы и убивала гражданских лиц, в основном евреев и цыган.

Материалы Лагвийского государственного архива, относящиеся к Малте и ее окрестностям в период Второй мировой войны, позволяют сделать следующие выводы:

— уничтожение евреев здесь началось с первых дней июля и продолжалось до сентября 1941 г.;

— оно осуществлялось силами местной «самоохраны», которой гитлеровцы, как и в других местах, доверили «черную работу»;

— все малтские «самоохранники», а позднее служащие вспомогательной полиции были жителями Малты и ее окрестностей (за исключением И. Синявского, Л. Лисовского и Липсниса) ¹¹²;

— Х. Пунтулис и Я. Дроздовский выполняли свою «работу» таким образом, чтобы их никто не мог обвинить в убийстве своих соседей;

— «малтский батальон смерти» был очень «отзывчивым», когда требовалось помочь убийцам в других волостях.

Преследования евреев Малты начались в конце июня — начале июля 1941 г. Сначала арестовали нескольких евреев (Щецера, Кирловича и др.), продержали их несколько дней в подвале, а затем отпустили¹¹³. В начале июля И. Снявский арестовал 10—11 евреев и запер их в одном из магазинов (среди них были Шарлотин с женой). На следующий день (это было воскресенье) евреев в этом магазине уже не было: ночью они были расстреляны и зарыты у реки Малты. Возле присыпанной землей ямы были видны пятна крови¹¹⁴.

В конце июля Я. Дроздовский приказал подчиненным ему «самоохранщикам» собраться в Силмальском почтовом отделении. Когда все собрались, Дроздовский указал каждому участнику группы еврейскую семью или один еврейский дом на двоих и предупредил, чтобы евреев арестовывали без лишнего шума и без грубостей¹¹⁵. С собой арестованным разрешалось взять немного вещей и еду на несколько дней (сколько каждый сможет унести).

Арестованных (около 80 человек) собрали у почтового отделения, построили в колонну по четыре и погнали в сторону Малты¹¹⁶. По другой версии, в этой колонне были и подводы¹¹⁷. У Малты их уже ожидал Х. Пунтулис, который приказал усадить евреев в стоявшие в ряд немецкие грузовые машины, на которых немцы увезли евреев и расстреляли их в Балденском лесу¹¹⁸, в 8 км от Малты и в 40 м от дороги Пуша—Малта¹¹⁹. (Следует заметить, что вообще расстрел евреев самими немцами в июле 1941 г. — для Латвии редкий случай: обычно это делали местные нацистские коллаборационисты, — но такая была версия обвиняемого Язепса Басанковича, и эту версию принял советский следователь.) В Балденском лесу были вырыты три большие ямы (7x5, 8x5 и 6x6 м), в которых, согласно акту ЧГК по Малте, были зарыты трупы евреев из Силмалы, Малты и Пигозни¹²⁰. В тот раз в Балденском лесу (в других следственных материалах этот лес называется Малтским) были расстреляны лишь небольшая часть малтских евреев, арестованных по приказу Х. Пунтулиса¹²¹.

Ранним августовским утром 1941 г. в дом Силантия Ковалева в деревне Вецружина пришли четыре полицейя во главе с уже упоминавшимся А. Баркансом и арестовали учителя Гирша Салтупера, его жену и двоих детей школьного возраста¹²². Барканс сказал, что их отвезут в Малту к брату Салтупера. Подвода была подготовлена заранее. Всю семью усадили на подводу и направились в Малту, но не по прямой дороге, а через лес. У озера Тискаду Салтуперы, почуяв неладное, спросили, почему их везут через лес. Барканс ответил, что так надо. В 3 км от их дома Барканс подал предварительно оговоренный сигнал, и каждый из полицейских выстрелил в заранее намеченную жертву на подводе. Я. Басанкович стрелял в сына Салтупера, но неудачно — пуля лишь ранила мальчика в спину. Тогда Барканс сам добил жертву, отругав Басанковича за плохую «работу». О том, что это убийство было запланировано заранее, говорит и тот факт, что оно было совершено неподалеку от предварительно вырытой ямы. Пока трупы сбрасывали в яму и зарывали, подводу отмыли от крови в озере¹²³. Салтуперы были последними евреями в Ружинской волости¹²⁴.

В конце сентября 1941 г. Х. Пунтулис получил указание ликвидировать оставшихся малтских евреев. Возможно, указание исходило от его непосредственного начальника — начальника резекненской уездной полиции А. Эйхелиса. Пунтулис созвал местных полицейских и разработал детальный план уничтожения евреев

Малты. Впоследствии Я. Дроздовский похвально: «Своих мы ликвидировали культурно».

Что это означало?

Малтские евреи были убиты в погребе! Этот погреб находится во дворе дома № 76 по ул. Первого Мая, в 10 м от дома и в 3 м от забора соседнего дома (см. схему). На глубину 3—4 м вели каменные ступени. Погребу предшествовал тамбур (2x1,5x3 м), откуда был вход в собственно погреб (3x6x4 м). Его пол был земляной, стены выложены каменными плитами, потолок был бетонированный. Над погребом была земляная насыпь толщиной 1,5—2 м¹²⁵.

Арестовывавшие евреев полиция были строго предупреждены о том, что все должно происходить «спокойно и корректно». В полицейском участке евреев обыскивали и все лишнее — одежду, нитки для шитья, драгоценности, деньги — изымали, составляя опись. Это делалось для того, чтобы отвлечь евреев от мыслей о предстоящем расстреле¹²⁶. Поместили арестованных в большой комнате полицейского участка (по другой версии — в сарае полицейского участка; скорее всего — в обоих местах).

Роли среди полицейских были распределены заранее: кто поведет арестованных из участка в погреб (тамбур), кто будет их раздевать, кто — расстреливать, кто — выносить из погреба трупы, кто — на подводе отвозить трупы к яме, а кто будет их закапывать¹²⁷.

Около 11 часов вечера, после проверки, во всех ли окнах местечка погашен свет, а также того, что контрольные выстрелы в погребе не слышны, Я. Дроздовский приказал приступить к «делу» и приводить в погреб по 4—5 евреев из полицейского участка¹²⁸. В тамбуре этих несчастных раздевали (они, естественно, были в летней одежде с небольшими узелками в руках)¹²⁹ и заводили непосредственно в погреб, где Дроздовский, Лемешонок (Эглайс) и Лисовский их расстреливали. Затем трупы выносили, клали на подводу и отвозили в назначенное место. Конвейер смерти работал четко! За две ночи были уничтожены около 200 малтских евреев¹³⁰.

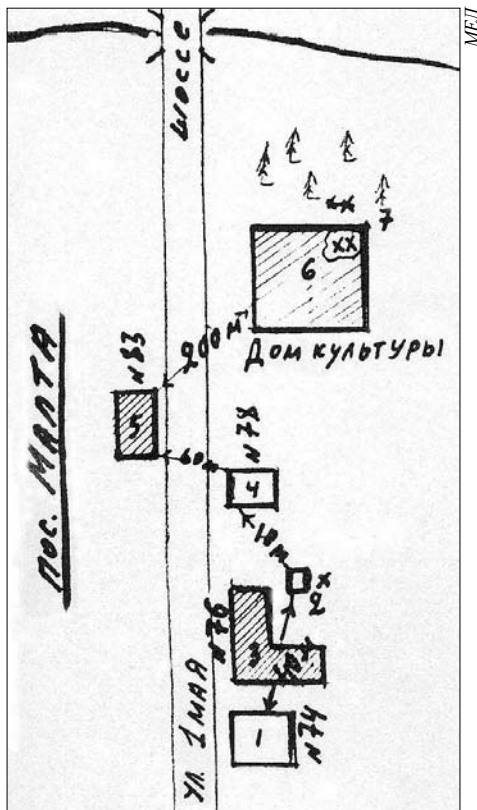

Схема к протоколу осмотра места происшествия от 9 февраля 1969 г. (фрагмент). Цифрами обозначены: 2 — погреб, где были убиты евреи Малты; 5 — дом, где находился полицейский участок; 6 — Дом культуры, возле которого находилась яма с трупами (помечена двумя крестиками); 7 — место, где в 1944 г. перед отступлением гитлеровцев были сожжены трупы (помечено двумя крестиками) (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 44109, т. 21, л. 122)

Вход в погреб, где были убиты евреи Малты (современный вид)

сентября 1941 г. схема: 10—15 человек ставятся лицом к яме и выделяются по два стрелка на каждого — как это было потом в Анчупанских холмах^{133?}

На этот вопрос у нас нет точного ответа. Было бы наивно думать, что местные жители не заметят исчезновения евреев и не догадаются, кто организовал это «исчезновение». Или малтские убийцы были стеснительными людьми? Нет, они не были стеснительными, когда их на грузовике возили на такого рода «акции» по всему Резекненскому уезду и далее. Не были они стеснительными и тогда, когда среди бела дня на базарной площади в Резекне на глазах у согнанных горожан по свистку Х. Пунтулиса расстреливали несчастных аудринцев. Сомнительно, но вполне возможно, что расстрелять «своих» евреев, с которыми рядом жили, вместе ходили в школу и вместе выросли, обычным способом — поставив их лицом к яме и глядя в глаза ожидающей своей очереди еще одной жертве — было неприемлемо даже для этих убийц.

Так или иначе, несмотря на скрытность «акции» в Малте, утаить содеянное от местных жителей было невозможно. Многие из них не верили, что такое вообще могло произойти, но все боялись говорить об этом вслух. За свою судьбу стали опа-

саться некоторые категории населения, в особенности русские-старообрядцы и цыгане: покончат с евреями — возьмутся за нас.

Некоторые жители Малты (семья Лосевичей и др.) пытались укрыть евреев, чтобы их спасти, однако те были обнаружены и уничтожены, а спасители расстреляны. Нравственную позицию местных жителей характеризует и

Погреб, в котором были убиты евреи Малты (современный вид). Изнутри через дверной проем видны тамбур и выход наружу

то, что уже после войны многие из них избегали каких бы то ни было контактов с теми «самоохранщиками», которые не бежали вместе с гитлеровцами и какое-то время работали лесниками, на железной дороге и т.п. Этот своеобразный остракизм распространился и на членов семей убийц. Так, родители, не всегда объясняя причину, говорили своим детям: с тем ребенком не играй, держись от него подальше¹³⁴.

В июле 1942 г. Х. Пунтулис в своем докладе резекненскому полицейскому начальству писал, что малтский полицейский участок арестовал 546 партизан и 421 советского активиста, в Германию отправлены 1049 человек, ликвидированы 713 малтских евреев и 28 цыган¹³⁵.

В 1944 г. гитлеровцы, замечая следы злодеяний своего оккупационного режима, вырыли и сожгли все трупы евреев, убитых в Балденском лесу и у малтского Дома культуры¹³⁶. Скрыться от справедливого возмездия удалось и некоторым убийцам¹³⁷.

*

В послевоенные годы в Малте еще жили несколько еврейских семей, которые переехали туда из Ленинграда, Резекне и других мест, но впоследствии все они разъехались. В настоящее время в Малте — ни в «старой» (Силмале), ни в «новой» (Антонополь, Боровая, Розентово) — уже больше ничто не напоминает о том, что здесь когда-то жили евреи.

Некоторые выводы

Итак, перед нами достоверные факты, когда в ряде малых городов и сельских населенных пунктов Латвии значительная часть евреев были уничтожены своими согражданами и соседями в первые месяцы войны. С самых первых дней германской оккупации в Латвии сформировались вооруженные отряды нацистских коллаборационистов, а сами гитлеровцы развернули хорошо продуманную антисемитскую кампанию в латвийской печати. Л. Дрибинс совершенно справедливо указывает, что нацисты уничтожили бы евреев и без всплеска ненависти к ним со стороны местного населения. Однако она помогала нацистам распространять представление, что латыши якобы сами требовали ликвидации евреев¹³⁸. И хотя никаких письменных приказов по еврейскому вопросу немецкие власти не издавали, в результате антисемитской пропаганды, их устных указаний и прямых подстрекательств в местной прессе латвийские евреи были поставлены вне закона. Результатом этого явилось то, что все еврейское население местечек Латвии было уничтожено уже в период с середины июля до середины августа 1941 г. силами главным образом коллаборационистов.

В исследовании д-ра В. Вете из Фрейбургского университета (Германия) констатируется, что руководитель эйнзагруппы “А” бригаденфюрер СС В. Шталеккер перед войной встретился в Берлине с представителями литовского пронацистского подполья, которым сказал, что они вольны в своих действиях по уничтожению евреев Литвы. Напомним, что полем деятельности В. Шталеккера и его эйнзагруппы была не только Литва, но и Латвия и некоторые другие территории, и нет оснований полагать, что его отношение к уничтожению евреев в Латвии было иным, чем в Литве¹³⁹. Уже из Германии вместе с эйнзагруппой “А” двинулись в путь «знатоки» местных условий, в 1939—1941 гг. репатриировавшиеся в Германию и отличавшиеся антисемитскими настроениями. У них были установлены контакты с рядом антисоветских групп и агентами германской военной разведки (абвера) в Латвии, которым был сделан намек включиться в уничтожение евреев¹⁴⁰.

Хотя ход Холокоста в Латвии в целом соответствует отмеченной выше его специфике на оккупированных нацистской Германией территориях СССР, И. А. Альтман на обширном сравнительном материале приходит к выводу, что по степени вовлеченности местного населения уничтожение евреев в Прибалтике носило беспрецедентный характер (при этом он отмечает, что помимо представителей коренных народов среди этих людей были также русские, поляки и др.)¹⁴¹. Этот феномен заслуживает дальнейшего внимательного изучения не только сам по себе, но и потому, что «именно на этих территориях нацистский геноцид евреев впервые стал тотальным. <...> Открытое и зверское уничтожение евреев... было одной из особенностей Холокоста в Прибалтике»¹⁴².

Требует дальнейшего изучения и не вполне еще ясный вопрос о конкретных мотивах, побудивших значительное число представителей местного населения по собственной воле не только пойти в услужение к нацистам, но и стать соучастниками творимых ими кровавых преступлений¹⁴³. Чем они руководствовались в большей степени:

- ксенофобскими настроениями;
- местью евреям за сотрудничество с советской властью;
- жадностью к еврейскому имуществу;
- желанием выслужиться перед новыми хозяевами (ведь в Латвии хорошо знали немецкий язык, и из передач германского радио было известно, «откуда дует ветер»)?

Во многих случаях (и это убедительно прослеживается в ряде архивных документов) стимулом для вступления в «силы самоохраны», участия в арестах, охране, конвоировании, а затем и расстреле евреев были не столько антисемитские настроения, сколько чувство вседозволенности, безнаказанности и алчности¹⁴⁴, а в ряде случаев — и стремление «загладить вину» за сотрудничество с советской властью в 1940—1941 гг.

Нравственные аспекты нацистского коллаборационизма в Латвии впервые затронул в одной из своих статей М. Вестерман, акцентировав в ней трагические коллизии всего лишь трех с половиной десятилетий: прокатившиеся по этой территории несколько волн террора — революция 1905—1907 гг., Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война и иностранная интервенция с их сначала красным, а затем белым террором, наконец, сталинский террор в 1940—1941 гг. — в значительной мере способствовали одичанию нравов, когда обесценилась человеческая жизнь¹⁴⁵.

Непрекращающиеся разногласия историков по вопросу о нацистских коллаборационистах в Латвии состоят, в частности, и в том, что в своей упомянутой монографии и в последующих публикациях А. Эзергайлис настаивает на том, что отряды «самоохраны» организовали немецкие оккупационные силы, осуществляя план, который нацисты разработали в Берлине¹⁴⁶. (Прилагаемые при этом автором тексты документов¹⁴⁷ подтверждают скорее не организацию отрядов «самоохраны» по инициативе немцев, а регламентацию и даже ограничение ими деятельности этих отрядов.) Более того, оспаривая то, что отряды «самоохраны» создавались как бы стихийно — по собственному усмотрению латышей и даже до прибытия немцев, А. Эзергайлис, переводя научную проблему в политическую плоскость, указывает, что с таким мнением выступает «большая интернациональная коалиция: немцы, американцы и евреи в Израиле, Америке и Латвии»¹⁴⁸. Даже очевидцы латыши и участники «самоохраны», пишет он далее, в большой мере являются защитниками

такого стихийного происхождения: «...самоохрана возникла стихийно... Читай: без присутствия и ведома немцев расстреливала евреев»¹⁴⁹. В подтверждение своего мнения А. Эзергайлс прибегает к странному для профессора истории методологическому приему: пытается применить дедуктивный метод в исторической науке, которая является индуктивной по своей сути, т.е. она идет от частного к общему, а не наоборот. Свой тезис о «самоохране» он подкрепляет рядом малоубедительных и чисто умозрительных суждений («иначе не могло и быть»¹⁵⁰). Вот два из них:

— слово «самоохрана» имеет не латышское, а немецкое происхождение¹⁵¹;

— организационно ничего подобного в истории Латвии никогда не было (здесь автор противоречит сам себе, признавая все же, что отряды «самоохраны» были созданы на основе организации айзсаргов)¹⁵².

Другие же историки, соглашаясь с тем, что беспрецедентная по своим масштабам политика геноцида стала возможной только при условии ее организации и поддержки всей нацистской государственной машиной, в то же время документированно относят образование «самоохраны» и целый ряд акций на счет собственной инициативы коллаборационистов¹⁵³. В частности, в уездном центре Резекне, когда туда 9 июля 1941 г. вошла эйзцаккоманда 1b, там уже существовали самоуправление и отряд «самоохраны» в составе 120 человек. В окрестностях Резекне действовали группы «самоохранщиков», насчитывавшие по 30—80 человек, в большинстве хорошо вооруженных советским оружием¹⁵⁴.

Задаваясь вопросом, из каких кругов общества рекрутировались эти самые «самоохранщики», М. Вестерман выделяет ряд категорий лиц: избежавшие сталинских массовых репрессий 14 июня 1941 г.; уволенные в конце июня из-за недоверия военнотружущие 24-го территориального (латышского) стрелкового корпуса Красной армии (в него в августе 1940 г. была преобразована латышская армия); бывшие советские активисты, стремившиеся «искупить грехи»; лица (их было особенно много), склонные без промедления менять свою политическую ориентацию в условиях частой смены власти; лица, связанные с германскими спецслужбами¹⁵⁵.

Сторонники обеих указанных точек зрения, на наш взгляд, не уделяют достаточного внимания именно последней категории лиц, а также еще одному обстоятельству, а именно: существованию в предвоенной Латвии «пятой колонны» — пронацистского подполья, которое, сделав ставку на неминуемый конфликт Германии и СССР, собирало силы для вооруженного восстания в тылу Красной армии¹⁵⁶. На связь этого подполья с германскими спецслужбами не только указывают историки¹⁵⁷, но она прослеживается и в мемуарах участников тех событий¹⁵⁸. Вне всякого сомнения, данная тема заслуживает самого пристального внимания и изучения на основе архивных документов и всех прочих доступных источников. Думается, это может по-новому высветить как процесс формирования «самоохраны», так и истинную природу банд террористов и диверсантов, действовавших в Латвии в «междущарствие» — когда советские войска уже отступили, а нацистский оккупационный режим еще не установился¹⁵⁹, — а также создать более реалистичную картину Второй мировой войны в Латвии в целом.

Миф о якобы чрезмерно активном сотрудничестве евреев с советской властью в 1940—1941 гг. и их участии в массовых репрессиях сталинского режима против жителей Латвии в годы войны навязчиво насаждался нацистской пропагандой с целью усилить антиеврейские настроения в латвийском обществе¹⁶⁰. В последние годы этот миф убедительно развенчивается латвийскими авторами. Так, И. Шнейдере считает неуместными утверждения, что в 1940—1941 гг. с советской властью в

большей степени сотрудничали не латыши, а инородцы. Аргументируя это фактами, она призывает историков быть честными в этом вопросе¹⁶¹. Участник тех событий М. Вульфсон пишет: «...сейчас, когда некоторые латвийские политики упрекают евреев в благожелательном отношении к вхождению советских войск в Латвию, у меня только один ответ: это был выбор между жизнью и смертью»¹⁶², а М. Вестерман, бывший очевидцем упомянутых событий, отмечает, что энтузиазм встречавших советские танки левонастроенных латышей мало отличался от реакции аналогичных русских или еврейских кругов¹⁶³. Что же касается репрессий, то А. Странга, специально изучавший этот вопрос, отмечает, что в советских органах госбезопасности в Латвии евреев были считанные единицы¹⁶⁴. По данным исследования Р. Вискне, не подтвердилось и мнение, что уничтожение евреев напрямую связано с упомянутыми советскими репрессиями; хотя автор и не может отрицать известного момента мести, однако это не был определяющий мотив¹⁶⁵.

Нам же более близка точка зрения, высказанная И. Клейманом, считающим, что почву для Холокоста подготовили патологические изменения в общественном сознании, деформированные мораль и система ценностей. В этой связи он говорит о «предынфарктном менталитете» — в таком же значении, как в медицине говорят о «предынфарктном состоянии». Господствовавший в довоенной Европе национализм был деформированным, агрессивным и шовинистическим. Националистической идеологии в Латвии после советских репрессий был нужен образ врага, и в такого коллективного врага было превращено еврейское меньшинство¹⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Арад И.* Судьбы советских евреев в годы Второй мировой войны в свете документов из недавно открытых архивов // Евреи в меняющемся мире: Материалы 1-й Междунар. конф., Рига, 28—29 авг. 1995 г. Рига, 1996. С. 261.

² Там же. С. 261.

³ *Альтман И.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941—1945 гг. М., 2002.

⁴ *Берзин К., Саар А.* Операция «Котбус», или «Очищение» Прибалтики от евреев. М., 2001.

⁵ *Ezergailis A.* The Holocaust in Latvia, 1941—1944: A missing center. Riga, [1996]. В дополненном переводе на латышский язык этот труд вышел под названием «Холокост в оккупированной немцами Латвии, 1941—1944» (*Ezergailis A.* Holokausts vācu okupētājā Latvijā, 1941—1944. R., 1999).

⁶ В частности, странное впечатление производит то, что этот автор *a priori* подвергает сомнению правдивость содержащихся в судебных материалах показаний, если приводимые в них факты совпадают. Такие случаи он воспринимает не как подтверждение изложенных фактов, а объясняет это «возможным давлением в ходе следствия и суда» (*Ezergailis A.* Holokausts vācu okupētājā Latvijā. 455. lpp.).

⁷ Часто арестованные, стремясь себя спасти, по возможности старались не рассказывать следователям правду, и желательную для себя информацию следователи получали путем морального и физического воздействия на арестованных, а также в ряде случаев фальсифицировали факты. Кроме того, убийцы не могли в деталях вспомнить, как были убиты все группы евреев, ибо у них был целый ряд таких эпизодов (см: *Ērglis D.* A few Holocaust episodes in Krustpils: Beila Bella Weide case // The issues of the Holocaust research in Latvia. Riga, 2001. P. 271; см. также ст. Д. Эрглиса, помещенную в настоящем сборнике, с. 393).

⁸ Это, в частности, показали и наши изыскания, опубликованные ранее лишь частично в виде научно-популярных статей (*Смирин Г., Мелер М.* Боровка в Латвии // Лехаим. 2001. № 10. С. 18—21; *Они же.* Памяти евреев Данкере // Там же. 2002. № 10. С. 19—25).

⁹ См.: *Богоявленская С.* Дневник Шейны Грам — исторический и человеческий документ // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 430—436.

- ¹⁰ См.: *Ēnglis D.* Dažas holokausta epizodes Krustpīli // *Andrievs Ezergailis: Bibliogr.: Darbābiedru vēltījumi 70 gadu jubilejā.* R., 2000. 159—197. lpp.; *Id.* A few Holocaust episodes in Krustpils. P. 269—298; см. также ст. Д. Эрглиса, помещенную в настоящем сборнике, с. 374—397.
- ¹¹ Фактически в Курляндской губернии могли проживать только потомки тех евреев, которые жили там во времена Курляндского герцогства (присоединено к России в 1795 г.). Закон от 14 марта 1799 г. предоставил евреям Курляндия самоуправления и уравнил их в правах с остальными мещанами и купцами; в частности, евреи получили право на повсеместное проживание в губернии. Однако по просьбе митавских (елгавских) купцов и ремесленников с 1829 г. проживать в Курляндской губернии имели право только те евреи, которые были зарегистрированы там по ревизии 1826 г. (см.: *Еврейская энциклопедия.* СПб., [1908—1913]. Т. 9. Стб. 931—932; *Гессен Ю. И.* Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С. 400).
- ¹² См. прим. 18 на с. 134.
- ¹³ См.: *Шац-Анин М.* Евреи в Латвии // *Макс Шац-Анин: Жизнь. Наследие. Судьба: Материалы науч. конф., Рига, 20 июня 1997 г.* Рига, 1998. С. 101—102, 104.
- ¹⁴ *Странга А.* Либерализм в Латвии: наследие XX столетия // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г.* Рига, 2000. С. 474—475.
- ¹⁵ Музей и документационный центр «Евреи в Латвии» (далее — МЕЛ), В-664.
- ¹⁶ См.: *Бобе М.* Евреи в Латвии. Тель-Авив, 1972. С. 48. (На идише).
- ¹⁷ *Еврейская энциклопедия.* Т. 8. Стб. 125.
- ¹⁸ МЕЛ, В-664.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Овчинский Л.* История евреев в Латвии. Рига, 1928. С. 81. (На идише).
- ²² Бермант Хаим Ицик (1929—1998) — еврейский писатель и публицист. Родился в Браславе (в то время — в составе Польше, ныне в Белоруссии), получил традиционное еврейское воспитание; детские годы (1933—1938) провел в Латвии, в Силене (ранее Боровка), затем жил в Великобритании. Известность ему принесли короткие сатирические рассказы о британских евреях. Автор романов «Иерихон спит в одиночестве» (*"Jericho Sleep Alone"*, 1964), «Дневник старика» (1996) и др., путешественника «Израиль» (1967), историко-публицистической книги «Встревоженный Эдем. Анатомия британского еврейства» (1969), многочисленных статей в периодических изданиях.
- ²³ Форвартс (Нью-Йорк). 1999. 25 сент. (На идише).
- ²⁴ Цит по: *Jewish Chronicle.* 1998. 23 Jan.
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Ibid.*
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ *Latvijas 1940. g. telefona abonentu saraksts.* R., 1940. 1164. sl.
- ²⁹ См.: *Latvijas Arhīvi. Piel.: Represēto saraksts.* 1996. Nr. 1. 56. lpp.
- ³⁰ «Силы самоохраны» (*pašaizsardzības spēki*) — добровольные отряды, в которые объединились образовавшиеся на территории Латвии в самом начале войны, еще до прихода гитлеровцев, вооруженные группы вставших на путь коллаборационизма местных националистов, которые нападали на отступавших красноармейцев и расправлялись с пытавшимися эвакуироваться в советский тыл мирными жителями или передавали их гитлеровцам. Формально были запрещены германскими оккупационными властями 8 июля 1941 г., однако в дальнейшем наряду с другими самочинными пронацистскими формированиями послужили основой для созданных гитлеровцами полицейских структур, которым они доверяли «черную работу», в том числе и за пределами Латвии.
- ³¹ МЕЛ, III/1953; Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 1, д. 44109, т. 9, л. 126; т. 23, л. 23, 32.
- ³² Там же, т. 9, л. 128.
- ³³ Там же, л. 82, 129—130.

- ³⁴ Там же, л. 48 об.
- ³⁵ Там же, т. 23, л. 6; т. 9, л. 48 об.
- ³⁶ Daugavpils Latviešu Avīze. 1941. 26. jūl.
- ³⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 44109, т. 23, л. 29, 113.
- ³⁸ Там же, т. 9, л. 117.
- ³⁹ Там же, т. 23, л. 9, 66.
- ⁴⁰ Там же, т. 9, л. 130.
- ⁴¹ Там же, л. 131.
- ⁴² Там же, т. 23, л. 30, 40; т. 9, л. 123.
- ⁴³ Там же, т. 9, л. 126.
- ⁴⁴ Подробнее об это см.: *Эзергайтис А.* Команда Арайса // ВЕК (Вестн. евр. культуры). 1990. № 1/2. С. 34—42.
- ⁴⁵ Акт Илукстской уездной комиссии о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками (Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. Р-132с, оп. 26, д. 14, л. 8).
- ⁴⁶ МЕЛ, III/1953; ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 44109, т. 9, л. 117, 131.
- ⁴⁷ МЕЛ, III/2182; ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 28644, л. 359.
- ⁴⁸ Процессы над убийцами силенских евреев, проводившиеся советскими судебными органами, продолжались с 1944 г. по апрель 1960 г. По приговорам судов были расстреляны пять человек (Антон Витковский умер в тюрьме в ноябре 1944 г., не дождавшись расстрела). Восьмерым приговоренным к высшей мере наказания расстрел был заменен 20 годами исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Еще восемь человек получили от 18 до 25 лет лишения свободы (см.: *Ezergailis A.* Holokausts vācu okupētājā Latvijā. 468. lpp.). Эдуард Шкестерис, осужденный в 1949 г. на 25 лет, в 1956 г. был амнистирован, а в 1960 г. вновь арестован и осужден на 15 лет с зачетом отсуженного (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 44109, т. 29, л. 340). Альфред Тимбергс, один из главных участников расстрела евреев в Силене, был убит на фронте (там же, т. 23, л. 69). Нельзя не отметить, что в 90-е гг., уже после восстановления государственной независимости Латвии, осужденным за убийство евреев Силене в реабилитации в основном было отказано. Реабилитированных было только двое: в 1995 г. — Виктор Друсс, умерший 29 апреля 1945 г. в Тайшетлаге, а в 1996 г. — Янис Целминьш, 1895 г. рождения (см.: *Ezergailis A.* Holokausts vācu okupētājā Latvijā. 467.— 468. lpp.). В материалах судебных процессов упоминаются еще около полутора десятков человек, которые были «задействованы» в уничтожении силенских евреев, но их судьба авторам не известна.
- ⁴⁹ ЛГИА, ф. 69, оп. 12, д. 17, л. 163.
- ⁵⁰ ЛГА, ф. 1968, оп. 1, д. 44109, т. 9, л. 129.
- ⁵¹ Акт Илукстской уездной комиссии... л. 8.
- ⁵² Latvijas pilsētas: Encikl. R., 1999. 351. lpp.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ МЕЛ, В-766.
- ⁵⁵ См.: Российская еврейская энциклопедия. М., 2000. Т. 4. С. 339—340.
- ⁵⁶ МЕЛ, В-766.
- ⁵⁷ Там же, III/2398.
- ⁵⁸ Еврейская энциклопедия. Т. 6. Стб. 638.
- ⁵⁹ *Ривкин Б.* Курляндские «литваки» (Якобштадт, Крейцбург). Нью-Йорк, [б. г.] С. 415. (На идише).
- ⁶⁰ Революция 1905—1907 гг. в Латвии: Док. и материалы. Рига, 1956. С. 403—404.
- ⁶¹ *Эрлих Х.* Данкере — типы и эпизоды местечка в Латвии 60 лет назад. Йоханнесбург, 1996. (На идише).
- ⁶² МЕЛ, В-766.
- ⁶³ См.: Октябрьская революция в Латвии: Док. и материалы. Рига, 1957. С. 403—404.

- ⁶⁴ МЕЛ, В-766.
- ⁶⁵ См. прим. 6 на с. 133.
- ⁶⁶ МЕЛ, В-766.
- ⁶⁷ См.: Российская еврейская энциклопедия. Т. 4. С. 340.
- ⁶⁸ Идише билдер (Рига). 1938. № 46. (На идише).
- ⁶⁹ Latvijas pilsētas. 351. lpp.
- ⁷⁰ МЕЛ, В-766. См. прим. 16 на с. 134.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Баркан Наган (р. 1923) — раввин, общественный деятель. Родился в Ливаны (Латвия), в детстве получил традиционное религиозное воспитание. Образование получил в Рижской ишевиве и любавичской ишевиве в Гостини (ныне город Плявиняс). Во время Второй мировой войны вместе с отцом эвакуировался в советский тыл, в Латвию возвратился в 1949 г. Работал на различных административно-хозяйственных должностях в Яунелгаве, а с 1954 г. — в Риге; вел нелегальную религиозную деятельность. В 1969 г. переехал в Израиль, где находился на государственной службе и создал религиозную школу для мальчиков в Лоде; добровольцем участвовал в *войне Судного дня (1973 г.). Один из создателей фонда «Шамир» (см. прим. 17 на с. 10) и (с 1988 г.) его отделений и религиозных школ в Москве, Ленинграде и на севере России. В 1989 году по поручению *Любавичского Ребе и по согласованию с Главным раввином Израиля начал служение в Латвии. Главный раввин Риги и Латвии. Автор книги «Воспоминания» (Рига, 1998).
- ⁷³ The Jews in Latvia. Tel-Aviv, 1971. P. 224.
- ⁷⁴ См.: Latvijas Arhīvi. Piel.: Represēto saraksts. 1996. Nr. 1.
- ⁷⁵ См. прим. 83 на с. 342.
- ⁷⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45124, т. 3, л. 17.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же, д. 28840, л. 13.
- ⁷⁹ Там же, д. 17630, л. 58.
- ⁸⁰ Там же, д. 28840, л. 13—14.
- ⁸¹ Там же, л. 21.
- ⁸² Там же, д. 45050, т. 7, л. 106.
- ⁸³ Там же, д. 17630, л. 22.
- ⁸⁴ Там же, д. 45050, т. 7, л. 106.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же, д. 17630, л. 58.
- ⁸⁷ Там же, д. 45035, т. 9, л. 36.
- ⁸⁸ Там же, л. 38.
- ⁸⁹ Там же, д. 17630, л. 62.
- ⁹⁰ Там же, д. 28840, л. 50.
- ⁹¹ Там же, д. 17630, л. 62.
- ⁹² ЛГИА, ф. 1145, оп. 1, д. 1, л. 123—125.
- ⁹³ Цит по: *Ērglis Dz. Dažas holokausta epizodes Krustpilī*. 169. lpp.; см. также ст. Д. Эрглиса, помещенную в настоящем сборнике, с. 380.
- ⁹⁴ Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР; была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. В комиссию входили партийные функционеры Н. М. Шверник (председатель), А. А. Жданов, академики Н. Н. Бурденко, Б. Е. Веденеев, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнин, митрополит Киевский и Галицкий Николай, писатель А. Н. Толстой, летчица В. С. Гризодубова. В местах, освобожденных от немецко-фашистских ок-

купантов, создавались комиссии содействия ЧГК из представителей партийных и советских органов, военных и местного населения. ЧГК собрала огромное количество документальных и вещественных доказательств, в том числе свыше 250 тыс. протоколов опроса свидетелей и заявлений о злодеяниях нацистов; было рассмотрено 54 тыс. актов о злодеяниях и около 4 млн — о причиненном материальном ущербе. Материалы ЧГК сыграли важную роль в разоблачении главных военных преступников на Международном военном трибунале в Нюрнберге (1945—1946 гг.) и на других судебных процессах (см., напр.: Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. [М.], 1946). Однако, учитывая обстоятельства, при которых собирались эти материалы, и не отрицая изложенные в них факты, следует критически относиться к содержащимся в них цифрам.

⁹⁵ Цит по: *Vestermanis M. Pieteikums pētījumam "Pretdarbība holokaustam Latvijā" // Holokausta izpētes problēmas Latvijā. R., 2001. 395. lpp.*

⁹⁶ Свидетельство о смерти № 1967 (за 1943 г.); *Vestermanis M. Pieteikums... 395. lpp.*

⁹⁷ В течение 1944—1945 гг. из гостиньских «самоохранщиков» были осуждены: один — к высшей мере наказания (расстрелу), другому расстрел был заменен 20 годами ИТЛ, но в 1956 г. он уже был на свободе. Еще трое убиты были приговорены к 20 годам ИТЛ. Авенс в 1945 г. был осужден на 15 лет ИТЛ и умер в 1949 г. (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17630, л. 167). 23 декабря 1946 г. трое из гостиньских «самоохранщиков», в том числе и упомянутый П. Рейнфельдс, были приговорены к расстрелу (приговор был приведен в исполнение в марте в 1947 г.), пятеро — к 20 годам ИТЛ плюс 5 лет поражения в правах с конфискацией имущества. (Впоследствии одному из них срок заключения был сокращен на 10 лет, другой умер в 1951 г.) Еще четверо тогда же были осуждены на 15 ИТЛ и 5 лет поражения в правах. В 1955—1956 гг. они были освобождены из заключения (там же, д. 8840, т. 3, л. 231—347). Петр Плешс, руководивший гостиньской группой «самоохранщиков» с самого начала, по некоторым данным (там же, д. 3103, л. 12 об., 85, 85 об.), вел двойную игру: прежде чем возглавить группу «самоохрань», якобы советовался с местными коммунистами, что на суде не получило должного подтверждения. Тем не менее, еще до ареста евреев он арестовал бывших советских активистов (10—12 человек), часть из которых освободил в тот же день, а часть — на следующий. К евреям он относился весьма жестоко и участвовал в их расстреле, однако предупредил об опасности гостиньских цыган, которые тоже подлежали уничтожению, что подтвердилось на суде. Тех цыган, которые были арестованы, вскоре отпустили. 28 ноября 1949 г. П. Плешс был приговорен к 25 годам ИТЛ. Несмотря на неоднократные просьбы и жалобы о пересмотре дела, только 9 мая 1956 г. срок его наказания был сокращен до 10 лет. Освободился он 10 сентября 1957 г., а в 1966 г. был реабилитирован (умер в 1980 г.) (там же, л. 12, 123). Более десятка гостиньских «самоохранщиков», участвовавших в аресте, конвоировании и расстреле евреев, по судебным материалам не проходили. Освальд Калниньш умер от туберкулеза в 1946 г.; Янис Винтерс, Карлис Балодис и ряд других бежали за границу с гитлеровцами. Что касается крустпилских «самоохранщиков», наряду с их гостиньскими «коллегам» задействованными в расстреле евреев на Какишских болотах, то шестеро из них были расстреляны, четвертым расстрел был заменен на 25—20 лет ИТЛ, еще восемь были осуждены на 25 лет ИТЛ и еще пять — на 10—15 лет ИТЛ. Янис Авотиньш, приговоренный к 25 годам ИТЛ, в 1955 г. был освобожден, а в 1958 г. вновь арестован и осужден на 25 лет (с зачетом отсидженного); в 1967 г. он бы освобожден. Дважды были осуждены также Залитис и Берзиньш (там же, д. 458123, т. 3, л. 105—137; д. 15295). Характерной для нацистского коллаборациониста в Латвии можно считать судьбу Петра Гибже, 1900 г. р., который уже в первые дни германской оккупации в июле 1941 г. поступил на службу в полицию Рижского уезда. Позднее он был направлен в Крустпилс, где участвовал в убийстве евреев, затем переведен в Лудзу и служил там в полиции до прихода Красной армии. Из Лудзы вместе с гитлеровцами бежал в Курляндию. После капитуляции курляндской группировки германских войск (8 мая 1945 г.) находился на нелегальном положении в районе озера Усмас, где в послевоенные годы скрывались многие пособники нацистов, не успевшие бежать вместе со своими хозяевами либо вошедшие в созданные нацистами из своих приспешников и вооруженные ими банды террористов и диверсантов. Однако 15 октября 1946 г. Гибже был арестован советскими органами власти. 17—24 апреля 1947 г. состоялся суд, приговоривший его к высшей мере наказания, однако затем она была заменена 25 годами ИТЛ. 26 апреля 1956 г. срок наказания Гибже был снижен до 15 лет, а 5 апреля 1958 г. он

- был освобожден из заключения (там же, д. 1666, л. 217, 220, 224, 345). В 1967 г., живя на свободе в Белоруссии, он выступал свидетелем в судебных заседаниях по делам своих «коллег» (там же, д. 45124, т. 3, л. 106). В 1991 г. ему было отказано в реабилитации, но 22 сентября 1997 г. П. Гибже все же был реабилитирован. (Подробнее о П. Гибже см. в ст. Д. Эрглиса, помещенной в настоящем сборнике, с. 385—386.) Объяснение подобным фактам, на наш взгляд, следует искать в затеянной в начале 90-х гг. определенными политическими кругами Латвии ревизии итогов Второй мировой войны в местном масштабе, которая, по всей вероятности, повлияла и на латвийские органы юстиции.
- ⁹⁸ Latvju Enciklopēdija. Stokholma, 1953. 2. sēj. 1616. —1617. sl.
- ⁹⁹ Pinkas Hakeillot / Yad Vashem. Jerusalem. 1988. P. 71—72 (Hebr.); МЕЛ, В-647.
- ¹⁰⁰ Latvju Enciklopēdija. 3. sēj. 2283. sl.
- ¹⁰¹ Pinkas Hakeillot. P. 187;
- ¹⁰² Latvju Enciklopēdija. 2. sēj. 1617. sl.
- ¹⁰³ Pinkas Hakeillot. P. 72; МЕЛ, В-647.
- ¹⁰⁴ Подробнее см.: *Salnais V., Maldups A.* Latvijas ciemi. R., 1936. 594.—595. lpp.
- ¹⁰⁵ Ibid. 594. lpp.
- ¹⁰⁶ Pinkas Hakeillot. P. 72; МЕЛ, В-647.
- ¹⁰⁷ Данные опроса жителей Малты авторам любезно предоставил Иосиф Рочко (Даугавпилс).
- ¹⁰⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45038, т. 36, л. 196; МЕЛ, В-647.
- ¹⁰⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45038, т. 36, л. 346.
- ¹¹⁰ Там же, т. 35, л. 11.
- ¹¹¹ Там же, т. 3, л. 174.
- ¹¹² Там же, д. 15328, л. 29.
- ¹¹³ Там же, л. 221.
- ¹¹⁴ Там же, д. 43813, л. 88.
- ¹¹⁵ Там же, д. 45083, т. 36, л. 197; МЕЛ, П/2042.
- ¹¹⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45083, т. 4, л. 170.
- ¹¹⁷ Там же, д. 4199, л. 152.
- ¹¹⁸ Там же, д. 45038, т. 4, с. 170.
- ¹¹⁹ *Latviešu konversācijas vārdnīca.* R., 1935—1936. 13. sēj. 25529. sl.
- ¹²⁰ ЛГИА, ф. 132, оп. 26, д. 20, л. 95.
- ¹²¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45038, т. 36, л. 191.
- ¹²² Там же, т. 37, л. 355.
- ¹²³ Там же, т. 36, л. 199.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же, д. 41109, т. 21, л. 120; МЕЛ, III/1953.
- ¹²⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45038, т. 4, л. 171.
- ¹²⁷ Там же, д. 44109, т. 3, л. 162—163.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Там же, л. 165.
- ¹³⁰ Там же, д. 45038, т. 37, л. 356.
- ¹³¹ Аудрини — деревня в Резекненском уезде, в 13 км от города Резекне, жители которой были уничтожены 2—4 января 1942 г. за то, что скрывали пятерых раненых красноармейцев и одного бывшего работника милиции, обеспечивали их продовольствием, медикаментами, оружием и помогли создать партизанскую группу. 18 и 21 декабря 1941 г. в Аудрини и соседнем лесу между партизанами и полицейскими произошли вооруженные столкновения, в которых полицейские потерпели поражение. По приказу командира немецкой полиции безопасности Штрауха были арестованы 200 жителей Аудрини (61 мужчина, 88 женщин и 51 ребенок). 2 января 1942 г. большую их часть расстреляли в Анчупанских холмах (см. прим. 133), а 4 января на базарной площади в Резекне публично были расст-

- реляны 30 аудринских мужчин и 12-летний мальчик В. Глушнёв. Деревня Аудрины была разграблена и сожжена.
- ¹³² ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45038, т. 37, л. 356.
- ¹³³ Анчупанские холмы в 5 км от Резекне — место массовых убийств во время Второй мировой войны гитлеровцами и их пособниками советских активистов, участников антифашистского подполья, пленных партизан, жителей деревни Аудрины (см. прим. 131), а также евреев и цыган. В 1973 г. там был установлен монумент. Подробнее см.: *Ананьев А., Туликов Ф.* Трагедия на Анчупанских холмах // *Нацистских преступников — к ответу!* М., 1983.
- ¹³⁴ Данные И. Рочко.
- ¹³⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45038, т. 35, л. 11—12.
- ¹³⁶ ЛГИА, ф. 132, оп. 26, д. 20, л. 95.
- ¹³⁷ Х. Пунтулиса совместно с уже упоминавшимся А. Эйхелисом и более широко известным Болеславом Майковским (военный преступник, капитан вспомогательной полиции, по приказу которого была сожжена деревня Аудрины, — см. прим. 131) судили заочно 30 октября 1965 г. и приговорили к смертной казни. Эйхелиса и Майковского в 90-х гг. уже по-настоящему судили в Германии. Все они умерли своей смертью. Пунтулис жил в Канаде, в провинции Онтарио (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45038, т. 37, л. 344). Как явствует из материалов суда над Б. Майковским, Я. Дроздовский нашел убежище в Австралии. Нам не известна судьба А. Барканса и Я. Лисовского. В следственных материалах много лиц с такими фамилиями, но это другие люди. К высшей мере наказания — расстрелу — советскими судами были приговорены: И. Синявский (28 июля 1951 г., приговор приведен в исполнение 24 августа того же года) (там же, д. 15328, т. 7, л. 250), Ф. Лемешонк (он же Эглайс, он же Ясутис) (в апреле 1961 г.) (там же, д. 44109, т. 29, л. 340), Язепс Басанкович (30 октября 1965 г.) (там же, д. 45038, т. 37, л. 370).
- ¹³⁸ См.: *Dribins L.* Antisemitiskas ideoloģijas histērija vācu nacistu okupētajā Latvijā 1941.—1942. g. // *Holokausta izpētes problēmas Latvijā.* 125. lpp. См. также: *Dribins L.* Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā: Vēst. apsk. R., 2001. 107.—137. lpp.
- ¹³⁹ См.: *Yerushlaim de Lite.* 2001. Nr. 5/6. P. 4. (Yiddish).
- ¹⁴⁰ См.: *Dribins L., Gutmanis A., Vestermanis M.* Latvijas ebreju kopiena: vēsture, traģēdija, atdzimšana. R., 2001. 50.—51. lpp.
- ¹⁴¹ См.: *Альтман И.* Указ. соч. С. 241.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ См.: *Смирин Г.* Холокост как «болезненная» проблема в новейшей историографии Латвии // *Материалы 9-й ежегод. Междунар. междисциплинар. конф. по иудаике.* М., 2002. С. 356; *Он же.* Тяжкий груз прошлого: Холокост в Латвии в исследованиях последних лет // *Даугава.* 2002. № 6. С. 139.
- ¹⁴⁴ На многочисленные случаи мародерства указывают, в частности, Д. Эрглис (*Ērglis D.* Op. cit. P. 298 etc.; см. также ст. Д. Эрглиса, опубликованную в настоящем сборнике, с. 386, 390, 391) и другие авторы.
- ¹⁴⁵ См.: *Vestermanis M.* Der Holocaust in Lettland: Zur “postkommunistischen” Aufarbeitung des Themas in Osteuropa // *Verdrängung der Juden unter dem Nationalsozialismus.* Hamburg, 1992. S. 101—130.
- ¹⁴⁶ *Ezergailis A.* Pašaizsardzības komandantūru loma holokaustā // *Latvija Otrajā pasaules karā.* R., 2000. 245. lpp.
- ¹⁴⁷ *Ibid.* 249—250. lpp.
- ¹⁴⁸ *Ibid.* 245. lpp.
- ¹⁴⁹ *Ibid.*
- ¹⁵⁰ *Ibid.*
- ¹⁵¹ С помощью трех слов — «самоохрана», «самоочищение» и «погром» — немцы стремились втянуть местных уроженцев в акции уничтожения евреев и коммунистов (*ibid.* 244. lpp.). Латгшское слово *pašaizsardzība* (самоохрана) А. Эзергайлис выводит от немецкого *Zelbstschutz*. Идея самоохраны, указывает он, происходит от идеи «удара штыком» в спину Германии, который, по мысли Гитлера, исходит от евреев и их прислужников (*ibid.* 241. lpp.).

- ¹⁵² Ibid. 246. lpp.
- ¹⁵³ См.: *Vestermanis M.* Par dažām holokausta izpētes problēmām Latvijā // *Latv. Vēst. Inst. Žurn.* 1993. Nr. 1. 114.—126. lpp.; *Id.* Holokausts Latvijā // *Ibid.* 1993. Nr. 2. 128.—138. lpp.; etc. См. также: Очерки истории Латвии: С 1940 г. до наших дней: Учеб. пособие / Под ред. М. Вирсиса. Рига, 1991. С. 63—64, 71—72.
- ¹⁵⁴ См.: *Ereignismelung UdSSR* (Berlin). 1941. Nr. 26. 18. Jul.
- ¹⁵⁵ См.: *Vestermanis M.* Der lettische Anteil in der “Endlösung”: Versuch einer Antwort // *Schatten der Vergangenheit: Impulse zur Historisierung des Nationalsozialismus.* Frankfurt a/M; etc., 1992. S. 426—449.
- ¹⁵⁶ См.: *Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны.* Рига, 1970. С. 75.
- ¹⁵⁷ См.: *Жагар Э.* Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны // *В дни войны.* Рига, 1964. С. 52; *Дзинтарс Я.* Тайны рижского подполья. Рига, 1986. С. 31—32; *Сорокина О.* Этнические движения в СССР и Вторая мировая война // www.lseptember.ru/ru/his/2002/06/2.htm; и др.
- ¹⁵⁸ См., напр.: *Hazners V. A.* Varmācības torņi: Atm. Lincoln (Nebr.), 1977. 252. lpp. u.c.
- ¹⁵⁹ Подобные факты отражены в целом ряде воспоминаний очевидцев (см., напр.: *Рысин Х.* Металл и душа: Художник о своей жизни. Рига, 1997. С. 22—23; *Аролович С.* Этого не забыть // *Латвийские евреи-воины, погибшие в борьбе с нацизмом, 1941—1945: Кн. памяти.* Рига, 1997. С. 5; и др.). Речь в них, в частности, идет об обстреле с крыш и чердаков домов мирных жителей Риги, пытавшихся эвакуироваться в советский тыл. Объектом такого обстрела выпало стать и одному из авторов этой статьи — М. Мелеру. Черда огневых точек у Центрального вокзала и вдоль главной магистрали города — ул. Бривибас — недвусмысленно свидетельствовала о том, что в те дни велась организованная охота на людей.
- ¹⁶⁰ Подобными обвинениями буквально наводнена вся фашистская печать, издававшаяся на латышском языке в годы оккупации, однако наиболее ярким образчиком этой инсинуации является сработанный в лучших традициях ведомства д-ра Геббельса иллюстрированный антисемитский пасквиль «Страшный год» (*Baigais gads; Att. un dok. krāj. par boļševiku laiku no 17.VI.1940 līdz 1.VII.1941. R., 1942*), переизданный сегодняшними единомышленниками его авторов в 1997 г. На русском языке этот «шедевр» доступен в Интернете (www.home.parks.lv/leonards/BaigaisGads).
- ¹⁶¹ *Šneidere I.* Padomju okupācijas pirmais gads: kolaborācijas priekšnosacījumi // *Latvija Otrajā pasaules karā.* 100. lpp.
- ¹⁶² *Вульфсон М.* Карты на стол. Рига, 1999. С. 14.
- ¹⁶³ См.: *Vestermanis M.* Holokausts Latvijā // *Mazākumtautību vēsture Latvijā.* R., 1998. 211. lpp.
- ¹⁶⁴ См.: *Stranga A.* Ebreji un diktatūras Baltijā (1926—1940). 2. papild. izd. R., 2002. 241.—242. lpp.
- ¹⁶⁵ См.: *Vīksne R.* The Arājs’ commando members as seen in the KGB trail files: social standing, education, motives of joining it, and sentences received // *The issues of the Holocaust research in Latvia.* P. 383.
- ¹⁶⁶ *Kleimanis Ī.* Holokausts Latvijā: Atbalsis un izaicinājums // *Holokausta izpētes problēmas Latvijā.* 259.—260. lpp.; см. также ст. И. Клеймана, помещенную в настоящем сборнике (с. 399—400).